

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

книга вторая

Протоиерей Павел Матвеевский
Евангельская история. Книга вторая.
События Евангельской истории,
происходившие преимущественно в Галилее
Серия «Евангельская история», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=297842

Евангельская история. Книга вторая. События Евангельской истории, происходившие преимущественно в Галилее: Сибирская Благовонница; М.; 2010
ISBN 978-5-91362-241-9

Аннотация

«Евангельская история» является самым известным трудом Павла Алексеевича Матвеевского (1828–1900) – духовного писателя, протоиерея, магистра Санкт-Петербургской духовной академии. Первое издание вышло в 1890 г. В книге последовательно излагается земная жизнь Иисуса Христа. Толкования П.А.Матвеевского взяты в основном из творений святых Отцов Церкви. Труд представляет большой интерес с точки зрения полноты изложения догматического учения о Христе и собранного в нем богатейшего материала священных текстов и их толкований.

Во вторую книгу вошли события Евангельской истории, происходившие преимущественно в Галилее.

Содержание

Призвание первых апостолов и Нагорная проповедь	4
Призвание рыбаков	4
Исцеление бесноватого в синагоге в субботу	6
Исцеление тещи Симона и многих других	7
Проповедь в Галилее	8
Посещение Назарета	9
Исцеление прокаженного	11
Возвращение в Капернаум и исцеление расслабленного	13
Призвание Матфея	14
Исцеление расслабленного при Овчей купели	16
Учение Господа Иисуса о Своем равенстве Богу Отцу	18
Защита учеников от нареkania фарисеев	20
Исцеление сухорукого и удаление в Галилею	22
Избрание двенадцати апостолов	23
Нагорная проповедь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Евангельская история.
Книга вторая.
События Евангельской
истории, происходившие
преимущественно в Галилее
Евангельская история 2
Протоиерей Павел Матвеевский**

*По благословению митрополита Ташкентского и
Среднеазиатского Владимира*

**Призвание первых апостолов
и Нагорная проповедь**

***Призвание рыбаков
Мф. 4, 18–22; Мк. 1, 16–20; Лк. 5, 1–11***

Первым действием Христа Спасителя в Капернауме было призвание Симона, Андрея и сыновей Зеведея к последованию за Ним. Проходя по берегу озера, Господь увидел на озере две лодки, из которых рыбаки вышли, и одни вымывали, а другие починивали сети.

Одна лодка принадлежала Симону и брату его Андрею, а другая, находившаяся несколько дальше, – Зеведею, бывшему на ловле с работниками и сыновьями своими – Иаковом и Иоанном. За Господом следовал народ, желая слышать слово Его, и Он, войдя в лодку Симона, просил несколько отплыть от берега и с лодки предлагал Свои наставления народу. По окончании поучения Он сказал Симону: *поступи во глубину и вверзите мрежи ваша в ловитву. Наставнице*, – отвечал Ему Симон, – *обнощъ всю труждашися, ничесоже яхом: по глаголу же Твоему ввергу мрежу*. Чем менее Симон надеялся на успех ловли, тем поразительнее для него должно было казаться чудо, которым Господь предрасполагал рыбаков к апостольству, внушая, что все потери их легко могут быть вознаграждены одним словом Его. Симон повиновался – и сверх ожидания поймали великое множество рыбы, так что даже сеть порывалась. Дали знак товарищам, находившимся на другой лодке: те пришли на помощь и наполнили обе лодки рыбою до того, что они начинали тонуть. Такой необычайный успех ловли привел Симона и всех, бывших с ним, не в удивление только, но в ужас. Другие чудеса, которые они уже видели, не касались их так близко, как именно это чудо, совершившееся при личном участии их.

Увлекаемый сильным душевным волнением, Симон припал к коленам Иисуса и сказал: *изыди от мене, яко муж грешен есмъ, Господи*. Но на этот вопль души, сознающей свою греховность, Всеведущий отвечал словом ободрения и избрания на великое служение: *не бойся: отседе будеши человеки лова*, – и, обращаясь также к товарищам Симона, сказал им: *грядите по Мне и сотворю вы ловца человеком*. На это приглашение рыбаки отозвались, по выражению святителя Филарета Московского, «решимостью быстрою, готовностью полною, последованием, не отсроченным ни на минуту». Вытащив обе лодки на берег, они оставили все и пошли за Господом Иисусом, – Иаков и Иоанн даже расстались с отцом своим Зеведеем.

Исцеление бесноватого в синагоге в субботу **Мк. 1, 21–28; Лк. 4, 31–37**

Живя в Капернауме, Господь в субботние дни посещал синагогу и учил жителей Капернаума. Слово Его действовало на умы и сердца слушателей сокрытою в нем животворною силою и возбуждало невольное удивление, потому что не походило на мертвенное, холодное и бесчувственное учение книжников, превративших Закон Моисея. Впечатление делалось еще неотразимее, еще глубже, когда Господь подтверждал учение Свое чудесами, наглядно свидетельствующими о Божестве Его (Ин. 5, 36). Таково было исцеление бесноватого в синагоге, таковы были и многие другие исцеления, совершенные Господом как в самом городе, так и в окрестностях его. В один субботний день, вскоре по прибытии в Капернаум, Иисус Христос вместе с учениками Своими и толпою набожных иудеев вошел в синагогу, и когда настало время чтения писаний и проповеди, начал учить народ. Безмолвие и тишина молитвенного собрания, внимавшего благодатным словам Иисусовым, вдруг были прерваны дикими криками бесноватого: *остави, что нам и Тебе, Иисусе Назаряnine? Пришел еси погубити нас; вем Тя, Кто еси – Святой Божий*. Это – вопль духа нечистого, которым был одержим бесноватый: слыша Христово благовестие и предчувствуя разрушение своего темного царства, злой дух говорил устами своей жертвы. «Так часто и самые делатели лжи, вынуждаемые очевидностью, даже против воли свидетельствуют в пользу истины! Демоны, если не были благовестниками, то, не в силах будучи взирая на Свет Истины, зывали: *вемы Тя, Кто Ты – Святой Божий*» (свт. Василий Великий). Но Господь, по толкованию святителя Афанасия Александрийского, «наложил на нечистого духа молчание и запретил ему говорить, чтобы он вместе с истиною не посеял злобы своей»: *умолчи и изыди из него*. И нечистый дух принужден был повиноваться всемогущей силе Божией, и в последний раз – впрочем без существенного вреда (Лк. 4, 35) – потрясши одержимого и вскричав громким голосом, вышел из него. Чудо совершилось на глазах всех, так что все в ужасе спрашивали: *что слово сие? и что учение новое сие, яко по области и духовом нечистым велит и послушают Его?* Когда Христос учил, то присутствовавшие в синагоге слышали в словах Его некий новый образ учения, как власть имеющего, а не как книжника, – и, будучи свидетелями такого поразительного чуда, видели, что истина этого откровения непререкаемо даже для самых упорных свидетельствуется необычайными, сверхъестественными делами или чудесами. Молва о чудесном событии в Капернауме не только распространилась в этом городе, но прошла далеко за пределы его – по всей Галилейской области.

Исцеление тещи Симона и многих других Мф. 8, 14–17; Мк. 1, 29–34; Лк. 4, 38–41

После чудесного исцеления бесноватого из синагоги Иисус Христос пришел с Иаковом и Иоанном в дом Симона и Андрея, родных братьев, происходивших из Вифсаиды (Ин. 1, 40, 44), – селения, находившегося на берегу озера в соседстве с Капернаумом. И здесь Его встретило человеческое горе: теща Симона была больна и лежала в сильной горячке. О больной тотчас сказали Господу и просили помочь ей. Всегда милосердный и сострадаательный, Он спешит удовлетворить этой просьбе: подошедши к больной и взяв ее за руку, поднял – и горячка мгновенно оставила ее. Она совершенно выздоровела, встала с постели и начала заниматься домашними делами, приготовляя Господу и ученикам Его вечернюю трапезу, или, как замечает евангелист, *воста и служаши Ему* что и было «знаком не только расположения жены, которое она оказывала ко Христу, но и силы Христовой» (свт. Иоанн Златоуст), возвратившей ей прежнюю крепость.

Это чудо еще более утвердило веру учеников в вышечеловеческое призвание Учителя, утешило Симона и семейству его внушило большую готовность к разлуке с ним, с сего времени обязанным следовать за Господом.

Весть о чудесном происшествии в синагоге быстро облетела город. С закатом солнца миновали часы субботного покоя, когда, по ложному учению фарисеев, не дозволены были даже и такие дела милосердия, как исцеление больных (Мф. 12, 10; Мк. 3, 2; Лк. 6, 7; 13, 14; Ин. 6, 1; 5, 10). Тогда весь Капернаум пришел в движение: и здоровые, и больные, все спешили к дверям дома, где находился Христос; принесли больных, страдавших различными недугами, привели бесноватых, – всех воодушевляла одна и та же радостная надежда: получить помощь и исцеление. Господь вышел из дома к собравшейся толпе народа и, обходя страждущих, возлагал на них руки в знак сообщения им исцеляющей силы Божией (Лк. 13, 13). Больные получали мгновенное исцеление, а из бесноватых выходили бесы с криком: *Ты еси Христос Сын Божий*. Но Он воспрещал им провозглашать о Нем как о Мессии, опасаясь, чтобы эта спасительная истина, исходя из лживых и нечистых уст, не потерпела какого-либо вреда во мнении народа. По поводу исцелений, совершенных Иисусом Христом в Капернауме, святой евангелист Матфей припоминает древнее пророчество Исаии, который, предсказывая уничиженное состояние и страдание Мессии, говорит: *Той недуги наши прият и болезни понесе* (Ис. 53, 4; Мф. 8, 17).

Проповедь в Галилее

Мф. 4, 23–25; Мк. 1, 35–39; Лк. 4, 42–44

Возвестив в Капернауме Евангелие Царства Небесного и подтвердив благовестие поразительными чудесами, Христос Спаситель зрел необходимость проповедать и в других городах и селениях. Посему, на другой день рано утром, когда еще жители города были погружены в глубокий сон, Он удалился в пустынное место и там, в уединении и тишине, молился, готовясь к путешествию по Галилее. И впоследствии молитва, и притом уединенная, нередко служила для Господа успокоением и отдыхом после трудов с народом (Мф. 14, 23; Мк. 1, 35; Лк. 5, 16), или же приготовлением к важнейшим действиям (Мф. 26, 36–42; Мк. 14, 35–39; Лк. 9, 28, 29; 22, 41–44). Между тем, жители города собрались к дому Симона, но Божественного Учителя и Чудотворца не нашли. Тогда Симон и бывшие с ним – Андрей, Иаков, Иоанн, а может быть, и некоторые другие пошли искать Его в пустыне и, нашедши, сказали: *еси Тебе ищут*. Господь ответил им: *и другим градовом блавестити Ми подобает царствие Божие, яко на сие послан есмь – идем в ближния веси и грады, да и тамо проповем: на сие бо изыдох*, – и как народ ни удерживал Его, чтобы не уходил от них, решимость Его осталась непреклонною.

Оставив на некоторое время Капернаум, Иисус Христос ходил по всей Галилее, уча в синагогах и проповедуя Евангелие. Слух о Нем прошел по всей Сирии, за пределы Палестины, составлявшей часть сирийской области, подчиненной римскому проконсулу. Со всех сторон приводили к Нему немощных, одержимых различными болезнями и припадками, бесноватых, лунатиков и расслабленных, и Он исцелял их присущею Ему чудодейственною силою, разливая вокруг Себя, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «неизреченное море чудес». Множество народа окружало Его и следовало за Ним не из Галилеи только, но и Десятиградия, Иерусалима, Иудеи, и даже отдаленной заиорданской области. Эту толпу привлекали сила и новость учения и проповеди, а также совершаемые Господом чудеса, которых иудеи всегда искали с особенным любопытством (Мф. 12, 38–39). Теперь в примере своего Учителя призванные Им ученики видели и поняли, что значило *уловлять* (4, 19) бессмертные души людей для Небесного Царства, а это благовествование служило для них опытом, из которого они извлекли много полезных уроков для будущей своей деятельности.

Посещение Назарета

Лк. 4, 16–30

В это хождение Свое по Галилее Господь Иисус посетил и Назарет. Жители сего отечественного Ему города, в котором Он был воспитан и провел годы младенчества, отрочества и юношества, знали Его только как сына бедного древодела и были далеки от того, чтобы видеть в Нем Лицо необыкновенное. Такое предубеждение ближайших соотечественников Господа против Него было причиною, почему Он не пришел в Назарет тотчас по возвращении в Галилею и уже посетил Свой город после того, как обошел многие города и селения Галилеи. При этом посещении, имевшем целью вразумление желавших понять истину, обнаружилось, как трудно и почти невозможно для людей предубежденных расстаться с привычным им образом мыслей, с предрассудками, составившимися в течение многих лет.

В Назарете была синагога, которая, по всей вероятности, походила на синагоги других городов Галилейских. Синагоги представляли продолговатое четырехугольное здание, более или менее украшенное. В самом помещении, близ входа, с одной стороны были устроены сидища для мужчин, а на другой стороне, за решеткою, места для женщин. В стене, по направлению к Иерусалиму, находился ковчег из раскрашенного дерева, заключавший в себе свиток Священного Писания, а вблизи возвышалось на несколько ступеней сидище для чтеца или проповедника. Особенные места в синагогах занимали должностные лица, а именно начальник синагоги, наблюдавший за порядком в собрании (Мк. 5, 35; Лк. 8, 41, 49; 13, 14), старейшины, составлявшие совет синагоги (Лк. 7, 3; Мк. 5, 22), вестник или чтец, произносивший молитвы, и, наконец, слуга, обязанностью которого было смотреть за чистотою, отпирать и запираť двери, возжигать светильники и хранить книги. В синагоги иудеи собирались в субботние и праздничные дни для отправления Богослужения. Служба состояла из гимнов и молитв, благословений и двух чтений—из Пятикнижия Моисея, или закона, и пророческих писаний. К этим чтениям обыкновенно допускали всякого, кто имел право учительства, получил дозволение начальника синагоги или мог прибавить к прочитанному свое толкование.

Чтение закона, по-видимому, было окончено, когда Иисус Христос, присутствовавший, по обыкновению, в субботний день в синагоге, восшел на место чтеца и проповедника. Слуга подал Ему свиток, содержащий книгу пророка Исаии, и Он, развернув свиток, прочел собранию следующее место: *Дух Господень на Мне, Егоже ради помаза Мя благовестити нищим, посла Мя исцелити сокрушенныя сердцем, проповедати пленным отпущение и слепым прозрение, отпустити сокрушенныя во отраду, проповедати лето Господне приятно*. В этих словах пророка (Ис. 61, 1–2), приводимых евангелистом по переводу 70-ти толковников, изображается от лица Мессии цель пришествия Его на землю – для того, чтобы преподаť духовные блага роду человеческому, а именно: людям, смиренным духом, бедным и несчастным – утешение, скорбящим о своей греховности – исцеление, пленным страстями и грехом – освобождение, духовно слепотствующим – прозрение истины, и вообще всем измученным перемену к лучшему. Это будет поистине *лето Господне приятно*, – образ взят от юбилейного пятидесятого года у евреев, когда по закону Моисея (Лев. 25, 8 и сл.) давали пленным и рабам свободу. Закрыв книгу и отдав слуге, Иисус Христос сел, и все бывшие в синагоге устремили взоры свои на Него, в ожидании, что Он скажет в объяснение прочитанного места. И Он начал говорить: *днесь сбытся писание сие во ушию вашею*. Евангелист не передает в подробности речи Господа, но она была так убедительна, что все невольно соглашались с Ним, так приятна и сладостна, что все дивились словам благодати, исходившим из уст Его. И при всем том, слушатели Его не были из числа расположенных уверовать: они готовы были признать, что наступило время пришествия Мессии, как давали понять это

проповедь Иоанна Предтечи и Самого Христа, но они далеки были от того, чтобы узреть Мессию в лице Иисуса, жившего в бедности между ними долгое время. Они только дивились словам благодати, исходившим из уст Его, и говорили себе: *не сей ли есть сын Иосифов?* – и в этом обстоятельстве видели непреодолимую препону вере. Господь, читая в сердцах их, зрел, что они желали чудес не для возбуждения веры, а для удовлетворения простого любопытства, и на примере древних пророков Илии и Елисея показал им, что трудно пророку найти сочувствие между соотечественниками и что явление силы Божией происходит только там, где есть приемлемость веры. *Всяко речете Ми притчу сию: врачу, исцелися сам; елика слышахом бывшая в Капернауме, сотвори и zde во отечествии Своем. Аминь глаголю вам, яко ни который Пророк приятен есть во отечествии своем. Поистинне же глаголю вам: мнози вдовицы беша во дни Илиины во Израили, егда заключися небо три лета и месяца шесть, яко бысть глад велик по всей земли, и ни ко единой их послан бысть Илия, токмо в Сарепту Сидонскую к жене вдовице; и мнози прокажени беху при Елисеи пророце во Израили, и ни един же от них очистися, токмо Нееман сирианин.* Указание на язычников, удостоенных милости Божией помимо израильтян, давало понять назаретянам, что и они сами в нравственном отношении не выше своих предков, которые отвергали пророков; невыносимым казалось им и то, что Иисус Христос для объяснения Своего положения ставил Себя наравне с такими великими пророками, каковы Илия и Елисей, – и вот оскорбленное самолюбие возбудило против Иисуса Христа всех, бывших в синагоге. Они исполнились ярости, вскочили с своих мест и, шумною толпою окружив Иисуса, выгнали вон из города, повели на вершину горы, на которой был построен город, и хотели свергнуть Его в пропасть. Но *не у бе пришел час* (Ин. 7, 30) *и не у прииде время* Его (ст. 6), а посему злоба человеческая не могла причинить Ему никакого вреда. Он безвредно прошел среди разъяренных и удалился из пределов отечественного города.

Исцеление прокаженного **Мк. 1, 40–45; Лк. 5, 12–16**

Из чудес, совершенных Господом во время сего путешествия по Галилее, святые евангелисты Марк и Лука указывают исцеление прокаженного. Этот несчастный страдал болезнью, которая издавна слыла самой страшною и отвратительною (2 Цар. 3, 29). Прокаженный представлял из себя как бы живого мертвеца и мог влачить бедственное существование в продолжение многих лет. Эта ужасная болезнь считалась заразительною, а посему закон Моисеев предписывал удалять прокаженных от сообщения с людьми здоровыми (Лев. 13, 46). В случае выздоровления прокаженный обязан был явиться к священнику, совершавшему над ним установленный Моисеем обряд очищения (Втор. 24, 8), для которого требовались жертвенные дары – две живых птицы, два однолетних овна без порока, одна однолетняя овца также без порока, известное количество пшеничной муки и елея, а от людей бедных – две горлицы или два молодых голубя, один овен и также известное количество муки и елея (Лев. 14, 4–32). По окроплении жертвенною кровью, острижении волос, омовении одежды и тела, помазании елеем и принесении жертвы повинности и всесожжения выздоровевший был опять водворяем на месте прежнего своего жительства.

Слух о всемогущем Чудотворце, ходившем по городам и селениям Галилеи, достиг до одного из несчастных, одержимых проказою. Ободряемый надеждою получить исцеление, прокаженный даже нарушил закон, удалявший подобных больных из населенных мест, и пришел в город, где в то время находился Иисус. Со всеми знаками глубочайшего благоговения он приблизился к Господу и упав на колена, сказал: *Господи, аще хоцещи, можещи мя очистити*. Он, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «просит с истинною верою и с надлежащими о Христе мыслями, все препоручает Ему, Его воле предоставляет исцеление и свидетельствует о Его величайшей власти». Прокаженный по закону считался нечистым (Лев. 13, 3), и всякое прикосновение к нему также делало нечистым (ст. 45–46), но Господь, желая показать, что «Он не подлежит закону, но выше его, что для чистого нет ничего нечистого» и что «святая плоть Его сообщает освящение» (блж. Феофилакт), простер руку, прикоснулся к больному и сказал: *хоццу, очистися*. Он прямо, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «утвердил мысль о Своем могуществе перед слушателями, изумляющимися Его власти, и Своего слова не оставил без исполнения, но за оным последовало и дело». Проказа тотчас сошла с больного, и он стал чист. Взглянув на него строго, как на нарушителя закона, воспрещавшего прокаженным доступ в города и селения, Господь поспешно отослал его с таким внушением: *блюда, никомуже нечесоже рцы, но шед покажися иереєви и принеси за очищение твое, яже повеле Моисей, во свидетельство им*. Прокаженному, по толкованию преподобного Исидора Пелусиота, повелено было принести предписанный законом дар для того, «чтобы показать согласие двух заветов, а также и то, что Совершивший исцеление есть Один и Тот же с Давшим закон», а воспрещение разглашать о чуде дано было, по словам учителя Церкви, для того, «чтобы не метать бисера пред свиньями (Мф. 7, 6), чтобы святые дела Божий не были оскорблены нечистыми и хульными устами грешников или попорчены презрением невежд, чтобы действию тайны не повредить преждевременным разглашением, чтобы, наконец, нам оставить образ не вдаваться славе человеческой, опасной для добродетели» (свт. Филарет Московский). Молва о чуде, переходя из уст в уста, могла привлечь внимание завистливых законников и фарисеев и подать им преждевременный повод к обвинению Господа, а также и в самом народе возбудить мечтательные чаяния царства Мессии и вызвать действия, противные воле Божией (Ин. 6, 14–15). Но прокаженный не соблюл тайны, заповеданной ему: он начал провозглашать и рассказывать о происшедшем, так что к Иисусу

Христу отовсюду стекалось множество народа. Не имея возможности укрыться от молвы в городе, Он оставался вне города, уходил в уединенные места пустыни и там молился.

Возвращение в Капернаум и исцеление расслабленного Мф. 9, 1–8; Мк. 2, 1-12; Лк. 5, 17–26

Огласив проповедью Евангелия города и селения Галилеи, Иисус Христос возвратился в Капернаум. Тихо и смиренно Он вошел в *Свой город* (Мф. 9, 1), но скоро молва о прибытии Его разнеслась повсюду: слышно было, что Он в доме. Тотчас этот дом наполнился множеством народа, так что уже и у дверей не было места. Были здесь также фарисеи и законоучители, пришедшие из разных мест Галилеи, Иудеи и даже из самого Иерусалима, без сомнения, для того, чтобы следить за Господом. Он говорил им слово, которое и подтвердил поразительным явлением Своей Божественной силы. Четверо принесли на одре расслабленного и напрасно старались войти с своею ношею в дом к Иисусу: все входы и выходы были заняты народом. Но т. к. на востоке обыкновенно крыши плоские и состоят из плит и камней, уложенных в виде пола, и притом нередко имеют два входа – один из внутренних частей дома и другой с улицы, то принесшие больного, в крайности, решились найти доступ в дом через крышу, взлезли наверх, раскрыли помост и в образовавшееся отверстие спустили на середину к Иисусу одр, на котором лежал расслабленный. *Видев веру их*, Господь сказал расслабленному: *держай, чадо, отпускаются ти греси твои*. Главная причина расслабления были грехи, а посему Он сначала отпускает грехи, потом исцеляет от недуга и тело. «Врачи, – по выражению святителя Иоанна Златоуста, – обыкновенно прежде не болезни лечат, а истребляют их источник; так сделал и Христос, истребляя наперед источник зол – грех: Своими словами Он оживил ум расслабленного, ободрил упавшую его душу, ибо эти слова стали делом и, вошедши в совесть, коснулись самой души и прекратили всякое уныние». Между тем зоркие наблюдатели слов и дел Христовых – фарисеи и книжники, не смея вслух высказывать своих мыслей, подумали сами в себе: *что Сей тако глаголет хулы? Кто может оставлять грехи, токмо един Бог? Но Сердцеведец видел сокровенные помышления их и сказал: что сия помышляете в сердцах ваших? Что есть удобнее – реши расслабленному: отпускаются тебе греси, или реши: востани, и возьми одр твой – и ходи?* Исцеление души – прощение грехов есть незримое чувственными очами действие благодати Божией, а исцеление тела – для всех видное проявление всемогущей силы Творца.

Итак, да у весте, яко власть имать Сын Человеческий на земли отпущати грехи, – тут Он, обратясь к расслабленному, сказал: *тебе глаголю: востани, и возьми одр твой, и иди в дом твой*, – «повелел ему нести одр свой, дабы не почли случившегося мечтою и дабы чудо видел вместе и народ, который почитал Христа простым человеком, хотя и большим всех» (блж. Феофилакт). Расслабленный тотчас встал перед всеми, взял свой одр и, славя Бога, пошел домой. На очевидцев это чудо произвело поразительное действие, и хотя они, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, не возвысились до признания Божества Христова, но, объятые ужасом, в изумлении говорили друг другу: *видехом преславная днесь, – николиже тако видехом!* Книжники и фарисеи также могли извлечь из этого события указание на истинное значение Лица Иисуса Христа.

Призвание Матфея

Мф. 9, 9-17; Мк. 2, 13-22; Лк. 5, 21-39

Из Капернаума Иисус Христос вышел на берег Геннисаретского озера в сопровождении толпы народа, неотступно следовавшего за Ним. Здесь Он обрел и призвал нового ученика, и притом – что особенно знаменательно – из среды презираемых и униженных мытарей. Это были сборщики пошлин, ненавистные народу как за постоянные сношения с язычниками иноземцами, которым в то время была подвластна Палестина, так и за вымогательства и притеснения по своекорыстным расчетам: они брали более определенного (Лк. 3, 12–13), обижали (Лк. 19, 8), а поэтому в общественном мнении стояли наряду с людьми порочными (Мф. 21, 31), грешниками (Мф. 11, 19; Лк. 7, 34) и язычниками (Мф. 18, 17). Особенно же гнушались ими фарисеи и законники, надменные своею мнимою праведностью (Лк. 18, 11), считая всякое сближение с ними осквернением и грехом. Но Господь призыванием одного из мытарей в число Своих учеников показал, что и между этими людьми встречались такие, которые вполне были достойны вступления в благодатное царство Его.

Проходя мимо, Иисус Христос увидел мытаря, сидевшего у сбора пошлин, по имени Матфея, иначе Левия, сына Алфеева, и сказал ему: *по Мне гряди*. Сердцеведец знал, что Матфей «готов был идти за Ним: оставив свое ремесло и прибыль, мытарь последовал за Иисусом, показывая полную готовность ко всему, и, вдруг отрекшись от всего житейского, совершенным повиновением подтвердил благовременность своего призывания» (свт. Иоанн Златоуст). Матфей, обрадованный милостивым словом Господа, отвечавшим внутреннему зову души его, сделал в своем доме большое угощение. Иисус Христос с учениками Своими не отрекся участвовать в этом пиршестве, на которое собрались также многие мытари и грешники – друзья и товарищи Матфея по званию и занятиям. Христос согласился быть с ними в одном доме и за одним столом, потому что, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «это могло принести великую пользу». «Бесконечно Чистейший и единый Праведный, – говорит святитель Григорий Нисский, – оказывал величайшую снисходительность грешникам, заслуживавшим осуждение, обращаясь с ними не для того, дабы приобщиться их неправде, но дабы сообщить им Свою праведность, подобно видимому нами действию солнца, которое освещает не только равнины, но и ущелья, и глубокие пещеры».

Книжники и фарисеи, наблюдавшие за словами и действиями Господа, видя, что Он вошел в дом мытаря и окружил Себя мытарями и грешниками, нашли в этом поступке явное отступление от принятых ими обычаев, воспрепятствовавших обращению с подобными людьми. Они не поняли великого дела милосердия Божия, привлекающего погибающих к покаянию и спасению, и, не имея прямодушия высказать свои мысли Самому Иисусу Христу или же желая отвлечь учеников от Учителя, обратились с своими пересудами к ученикам: *что яко с мытари и грешники яст и пьет? – почто Учитель ваш яст и пьет с ними? – почто ясте и пиете с ними?* На такие вопросы вместо учеников отвечал Господь сравнением, взятым из жизни обыкновенной: *не требуют здравии врача, но болящий; не приидох призвати праведных, но грешных в покаяние*. Здоровые и праведники – это фарисеи, которые уверены были о себе, что они праведны (Лк. 18, 9), а больные и грешники – все смиренно сознающие свою греховность и готовые к раскаянию.

Шедшие же научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы. Указывая на это изречение пророка Осии (Ос. 6, 6), «обличает их еще и как невежд: вы, говорит, донныне не научились, – так хотя теперь пойдите и узнайте, что милосердие к грешникам для Бога приятнее жертвы», или, как изъясняет слова Господа святитель Филарет Московский, «пойдите к проку, научитесь от него, что значит милость, и особенно духовная, узнайте, что Бог хочет и требует ее не только преимущественно перед соблюдением произвольных человеческих

преданий, но и преимущественно перед обрядовыми действиями, предписанными в законе Божиим».

Некоторые из учеников Иоанновых и фарисейских спросили Иисуса: почему не постятся Его ученики? Отвечая на вопрос, Господь использует три сравнения, заимствованные из круга предметов, близких к понятию каждого. В первом сравнении Он воспользовался образом *жениха*, как «обручающий Себе новый сонм (т. е. Церковь) вместо умершей древней синагоги» (блж. Феофилакт), – так называл Господа и Предтеча Его Иоанн (Ин. 3, 29). *Еда могут*, – Он ответствовал, – *сынове брачнии, дондеже жених с ними есть, – плакати – (и) поститися? Елико время с собою имут жениха, не могут поститися: придут же дние, егда отыметя от них жених, и тогда постятся в тыя дни. Сынами брачными или искренними друзьями жениха и гостями на браке Он назвал своих учеников. Будет время, когда Он пострадает и вознесется, тогда они, подвергаясь гонениям, будут поститься, будут на алчбе и жажде. Он не принуждал учеников Своих поститься, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «не в угождение тела, но по особенному Своему смотрению», как это и объяснит в следующих двух уподоблениях, взятых уже прямо из домашней жизни. *Никтоже приставляет приставления плата небелена ризе ветсе, – никтоже приставления ризы новы приставляет на ризу ветху, – ветсей не согласует еже от нового: – возмет конец его новое от ветхаго, и горша дира будет. И никтоже вливает вина нова в мехи ветхи; аще ли же ни, просадит вино новое мехи, и вино пролиетя, и меси погибнут: но вино новое в мехи новы вляти, – и обоя соблюдутся. И никтоже пив ветхое, абие хочет новаго, глаголет бо: ветхое лучше есть.* «Ученики еще не так крепки, чтобы можно было налагать на них тяжкие заповеди, но еще требуют снисхождения и легкого бремени. Новая суровая заплата и новое вино означают пост, а старая одежда и старые мехи – слабость учеников» (блж. Феофилакт). Строгая подвижническая жизнь, к которой привыкли ученики Иоанна, для не утвердившихся и не обновившихся духом учеников Господа была бы то же, что новая заплата на старой изношенной одежде, новое вино в старых мехах или худшее вино после лучшего: все это неблагоприятно и бесполезно.*

Мытарь Матфей, оставив все свое достояние, пошел за Христом и удостоился быть в числе 12-ти избранных апостолов. Вместе с другими учениками Христовыми он сопровождал Господа в путешествиях по Галилее и Иудее, внимал Его Божественному учению, видел бесчисленные Его чудеса, ходил с проповедью, был свидетелем крестных страданий, искупительной смерти Спасителя и преславного вознесения Его на небо. После вознесения Господня и сошествия Святаго Духа на апостолов святой Матфей в течение восьми лет проповедовал в Палестине, а затем обошел с благовестием Сирию, Мидию, Персию, Парфию. Перед отбытием из Иерусалима он написал Евангелие. Святой апостол Матфей закончил свои проповеднические труды мученической кончиной в Эфиопии. Его обвинили в колдовстве и, положив лицом вниз и засыпав хворостом, подожгли. Когда костер разгорелся, то все увидели, что огонь не вредит святому. Тогда добавили хвороста в костер, облив его смолой, вокруг костра поставили 12 идолов. Пламя растопило идолов, тело же святого апостола осталось невредимым. Когда хотели с честью известить святого Матфея из огня, то он, сотворив молитву, предал святую свою душу в руце Божий (память 16/29 ноября и 30 июня/13 июля).

Исцеление расслабленного при Овчей купели

Ин. 5,1-16

Избрав Галилею главным местом Своего учения и действия, Господь при наступлении второй пасхи во время открытого служения Своего отправился в Иерусалим для того, чтобы опять, перед лицом первейших учителей народа и многочисленных пришельцев из отдаленнейших стран света, проповедать учение Нового Завета и яснее возвестить о Своем Божестве как словом откровения, так и чудным явлением всемогущества. В Иерусалиме была известная купель – Вифезда, или, в переводе с еврейского, – дом милосердия. Она находилась близ овечьих ворот, упоминаемых еще в книге Неемии (3,1, 32; 12, 39) и названных так потому, что через них прогоняли к храму жертвенных животных, или же возле них была площадка, на которой продавали и покупали этих животных. Этот источник, предозначавший, по словам святителя Иоанна Златоуста, спасительную купель крещения, отличался чудным целебным свойством: «здесь врачевала не просто естественная сила воды (иначе это бывало бы всегда), но действие Ангела». По временам сходил в купель Ангел и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью. Это не было видимое схождение Ангела, но тем не менее действительное, и обыкновенно – по возмущению воды узнавали о том, что время войти в нее.

К купели было пристроено пять крытых ходов, в которых можно было в ожидании движения воды найти защиту от непогоды и солнечного зноя. Множество больных, страдавших разнообразными недугами, – слепых, хромых, иссохших, лежало в этих галереях, утешаясь надеждою когда-либо предупредить других и получить исцеление. Между ними самым несчастным был расслабленный, который, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «оставаясь в таком положении тридцать восемь лет, видя каждый год, как другие исцелялись, а он сам все еще одержим болезнью, однакоже не упал духом и не отчаивался, хотя не только безотрадное прошедшее, но и безнадежность в будущем довольно могли поколебать его». Такая долговременная и застарелая болезнь делала и самое чудо исцеления особенно поразительным.

Любвеобильному сердцу Богочеловека близко было всякое человеческое страдание: Он пришел и в этот дом милосердия, с тем чтобы здесь, и притом нарочито в субботу, оказать милость наиболее нуждающемуся и достойному. Увидев расслабленного и уразумев, что он лежит уже долгое время, Господь «не тотчас исцеляет его, а сначала предрасполагает его к Себе вопросом, пролагая путь готовой в нем вере»: *хочеши ли цел быти?* На эти слова, понятые больным в смысле простого участия к горькому положению его, он отвечал кротко и жалостно: *ей, Господи, человека не имам, да егда возмутится вода, ввержет мя в купель; егда же прихожду аз, ин прежде мене слазит*. Видно, что больной мог двигаться, но с большим трудом и весьма медленно; «быть может, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – он надеялся получить от Христа только ту помощь, что Он ввергнет его в воду». Но Господь, прозревая веру его и показывая, что «может все сделать одним словом Своим», сказал расслабленному: *востани, возми одр твой и ходи*, – «повелевает взять одр, дабы совершившееся чудо имело тем более достоверности и дабы никто не считал этого события призраком или обманом». Больной тотчас выздоровел, взял одр свой и пошел.

Иисус Христос совершил это исцеление в день субботний, «не преступая закон, а поступая выше закона». Но ревнивые блюстители внешних требований закона и преданий старцев увидели в этом событии нарушение субботнего покоя. Они сказали исцеленному: *суббота есть, и не достоит ти взяти одра твоего*. Сообразив, что совершивший над ним такое великое чудо есть Посланник Божий, безсомнения, хорошо знающий, что прилично и что неприлично субботе, исцеленный смело отвечал: *иже мя сотвори цел, Той мне рече:*

возьми одр твой и ходи. А когда его спросили: *кто есть человек?* – то он не мог указать, потому что Иисус Христос скрылся в народе, бывшем на том месте, – скрылся, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, – «во-первых, для того, чтобы в отсутствии Его свидетельство о чуде было свободно от всякого подозрения, и во-вторых, для того, чтобы еще более не возжечь гнева их; поэтому, уклонившись, Он оставляет дело само за себя действовать перед ними». Впрочем, «ограждая здоровье исцеленного и благодеянием, и страхом будущих зол», Господь Сам делает Себя известным ему. Он встретил его в храме и сказал: *се здоров еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет.* Этот человек, узнав своего Благодетеля, пошел и объявил о Нем иудеям, и сделал это без злого умысла: он как бы «продолжает свое оправдание, объявляя своего Исцелителя, стараясь и других привлечь и приблизить к Нему». Но иудеи, омертвевшие на букве ветхого закона, не обращая внимания на ясное обнаружение всемогущей силы Божией, стали гнать Иисуса и замыслили убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу.

Учение Господа Иисуса о Своем равенстве Богу Отцу Ин. 5, 17–47

Вразумляя ослепленных и защищаясь против нареканий их, Господь открыл им истину Своего равенства с Богом Отцом: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю*. В этих словах Он, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, «двояким образом показывает Свое равенство с Богом, – и тем, что называет Его в собственном смысле Своим Отцом, и тем, что представляет Себя делающим воедино с Ним». Сотворив мир в шесть дней и в день седьмой почив, т. е. прекратив создание новых тварей, Бог непрестанно действует в мире промыслением и сохранением всего сотворенного и ведением всего к последней цели. И это действование, одинаково продолжаясь в субботу, как и в прочие дни, обличает мнение иудеев о безусловном покое субботы. Слыша слова Господа, иудеи еще более вознегодовали и искали убить Его не за то только, что Он нарушал субботу, но и за то, что Отцом Своим называл Бога, *равен Ся творя Богу*. В дальнейшей беседе Иисус Христос подробнее изъяснил Свое отношение к Отцу, и не только не отрекся от произнесенных Им слов, но, несмотря на угрожающую опасность, подтвердил их с особенною силою. *Аминь, аминь глаголю вам: не может Сын творити о Себе ниче соже, аще не еже видит Отца творяща: яже бо Он творит, сия и Сын такожде творит*. И эта невозможность «не немощь Его выражает, но величайшую силу» (прп. Исидор Пелусиот), не есть «отрицание свободы, уничтожение власти, а доказательство единомыслия, свидетельство о согласии, знак совершенной близости и неотдельности» (свт. Иоанн Златоуст). «Он не делает ничего противного Отцу, ничего чуждого Ему, ничего несообразного, а это еще более показывает между Ними равенство и совершенное согласие» (свт. Иоанн Златоуст). «Одни и те же дела Отец предначертывает, а Слово приводит в исполнение не рабски и слепо, но с ведением и владычественно, точнее же сказать отечески» (свт. Григорий Богослов). *Отец любит Сына и вся показывает Ему, яже Сам творит, и боляша сих покажет Ему дела, да вы чудитесь*.

Эти большие и удивительнейшие дела суть воскрешение мертвых и суд: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хочет, живит. Отец бо не судит никому, но суд весь даде Сынови, да вси чтут Сына, якоже чтут Отца, а иже не чтит Сына, не чтит Отца пославшаго Его*. При единовластию и единосутию Сына с Отцом, Сыну приличествует такое же Божеское поклонение, как и самому Богу Отцу. Воскресение мертвых и последний суд, имеющий совершиться при конце мира, при открытии Вечного Царства Христова, предваряются и в земном благодатном царстве духовным, нравственным воскресением верующих в новую жизнь, полагающую основание будущей вечно блаженной жизни, и духовным, нравственным судом, о котором Господь говорил и прежде – в беседе с Никодимом (Ин. 3, 18–19). И это воскресение, и этот суд стоят в неразрывной связи с делом спасения людей, для которого пришел на землю Иисус Христос: *аминь, аминь глаголю вам, яко слушающий словесе Моего и веруяй Пославишему Мя имать живот вечный и на суд не придет, но преидет от смерти в живот, – преидет, не подвергаясь осуждению за неверие, так что на последнем суде праведные без осуждения перейдут от временной смерти к вечной жизни*. Время духовного воскресения наступило с пришествием в мир Христа Спасителя и завершится будущим всеобщим воскресением; и то, и другое воскресение имеют одно основание во Христе и соединяются в мысли Его неразрывною связью. *Аминь, аминь глаголю вам, яко грядет час и ныне есть, егда мертвии услышат глас Сына Божия и услышавше оживут. Якоже бо Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе, и область даде Ему и суд творити, яко Сын Человечь есть; не дивитесь сему: яко грядет час, в оньже еси суиши во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотвориши благая в воскрешение живота, а сотвориши злая в воскрешение суда*. Таково будет всеобщее воскресение мерт-

вых, – но что и суд будет праведный, в этом Иисус Христос удостоверяет опять указанием на Свое равенство с Отцом: *не могу Аз о Себе творити ничесоже; якоже слышу, сужду, и суд Мой праведен есть, яко не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца*, т. е., по толкованию святителя Иоанна Златоуста, – «Я так сужу, как бы и Сам Отец судил, – нет у Меня хотения иного, отдельного от Отца, но чего Отец хочет, того и Я, и чего Я хочу, того и Он».

Свидетельство о Себе Самом как Сыне Божиим Иисус Христос оправдывает указанием на свидетельства Крестителя Иоанна, дел Своих, Бога Отца и священных писателей Ветхого Завета, особенно же Моисея. *Аще Аз свидетельствую о Мне, свидетельство Мое несть истинно. Ии есть свидетельствующий о Мне, и вем, яко истинно есть свидетельство, еже свидетельствует о Мне*, и при этом припомнил о посольстве синедриона к Иоанну Предтече (1, 19 и след.): *вы посласте ко Иоанну, и свидетельствова о истине*, сказав, что он не Мессия, а Предтеча Его, Мессия же – Иисус из Назарета. *Аз же не от человека свидетельства приемлю, но сия глаголю, да вы спасени будете*. Собственно говоря, свидетельство Иоанна было свидетельство Божие (1, 33), но «многие не знали этого, а внимали Иоанну как говорившему от себя самого» (свт. Иоанн Златоуст). *Он бе светильник горя и светя, вы же восхотесте возрадоватися в час светения его*, – он имел свет не от самого себя, но от благодати Духа, и вы отнеслись к нему легкомысленно, показали усердие «только временное и нетвердое», слушая проповедника покаяния как бы для развлечения. *Аз же имам свидетельство более Иоаннова; дела бо, яже даде Мне Отец, да совершу я, та дела, яже Аз творю, свидетельствуют о Мне, яко Отец Мя посла. И пославый Мя Отец Сам свидетельствова о Мне* – не только при крещении, но и во всем ветхозаветном откровении, *ни гласа Его нигдеже слышасте, ни видения Его видесте*, оставаясь глухими и слепыми к тому, что Он вещал и предугазывал в пророчествах и прообразах. *И словесе Его не имате пребывающа в вас, зане Егоже Той посла, Сему вы веры не емлете*, – духовный слух и зрение закрыты, а посему и в сердце нет слова спасения, нет веры в Спасителя. *Испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный, и та суть свидетельствующая о Мне*: «Не уважаете ли вы Писаний? Не почитаете ли их источниками жизни? На них и Я теперь утверждаюсь». *И не хотите прийти ко мне, да живот имате*, говорю это не из суетного желания славы от человеков (как могли думать некоторые), *славы от человек не приемлю*, – но говорю, *разумех вы, яко любви Божия не имате в себе; Аз приидох во имя Отца Моего и не приемлете Мене, аще ии – лжемессия – приидет во имя свое, того приемлете*. И это вполне естественно, потому что *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите?* Самолюбие, отвращая от Бога, отлучая от любви Божией, уничтожает самую возможность веры. В заключение Своей речи Господь указывает неверующим и ожесточенным иудеям, что законодатель их Моисей, на которого они думали бы опереться, делается не защитником, а обвинителем их пред Богом: *не мните, яко Аз на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголет, Моисей, нанъже вы уповаете; аще бо бысте веровали Моисеви, веровали бысте убо и Мне, о Мне бо той писа*, – «закон, – по выражению святителя Кирилла Александрийского, – исполнен был таин Христовых». *Аще ли того писанием не веруете, како Моим глаголам веру имате?*

«Теперь, когда они думают, что верят Моисею, Он показывает их неверие и таким образом все, чем они мечтали оправдать себя, Он постоянно обращает на их же голову» (свт. Иоанн Златоуст).

Евангелист не говорит, как иудеи приняли эту грозную обличительную речь Господа. Можно думать, что, ответив на нее молчанием, они затаили в себе вражду и ненависть к своему Обличителю. «Такова злоба! – восклицает святой Отец. – Что бы ни говорили, что бы ни делали, она не трогается, но упорствует, сохраняя в себе свой яд».

Защита учеников от нареkania фарисеев **Мф. 12, 1–8; Мк. 2, 23–28; Лк. 6, 1–5**

Вопрос о субботе был объяснен Иисусом Христом еще решительнее и полнее по поводу новых пререканий фарисеев, следивших за всеми действиями Господа и учеников Его. В субботу, названную у евангелиста Луки *второпервою*, случилось Ему вместе с учениками проходить через засеянные поля, покрытые колосившимся хлебом. Чувствуя голод, ученики срывали спелые колосья, растирали их руками и ели вытертые зерна. В этом действии преступного ничего не было, потому что первый сноп новой жатвы, по требованию закона (Лев. 23, 10–11), уже был принесен в жертву Богу, и тот же закон позволял в случае нужды, не занося серпа на жатву ближнего, срывать руками колосья (Втор. 23, 25). Но фарисеи поступок учеников, вынужденный крайностию, почли нарушением покоя субботнего дня и обратились к Иисусу Христу с упреком: *се ученицы Твои творят, егоже не достоин творити в субботу*; говорили также и ученикам: *что творите, егоже не достоин творити в субботы?*

Моисеев закон воспрещал в субботу все дела и занятия житейские, кроме самых необходимых, для того, чтобы израильтяне тем беспрепятственнее могли посвящать седьмой день Господу (Исх. 20, 10; 31, 13–17; 34, 21; 35, 2; Чис. 15, 32–36; Втор. 5, 14). Впоследствии предания старцев и мелочные толкования раввинов до того усилили строгость субботнего покоя, что даже дела добрые (Мф. 12, 10; Мк. 3, 2; Лк. 6, 7; 13, 14; Ин. 9, 14, 16) были почтитаемы нарушением святости субботы. С точки зрения фарисеев обвинение было тяжкое не только против учеников, но и против Самого Учителя, позволявшего такие действия в субботу. Защищая Себя и учеников от нареkania, Иисус Христос указал Своим совопросникам на пример Давида, священный для каждого израильтянина, на закон о священнодействиях, обязательный и для субботнего дня, на предпочтительное значение дел милосердия перед обрядностью и, наконец, вообще на цель субботы. *Песте ли ишколиже чли, что сотвори Давид, егда требование име, и взалк. сам, и иже с ним? Како вниде в дом Божий, при Авиафаре архиереи, – хлебы предложения взем, и яде, и даде и суицим с ним, ихже не достояше ясти, токмо единым иереем? В святилище скинии, на особом столе, священники по закону Моисееву (Лев. 24, 5–9) полагали двенадцать чистых пшеничных хлебов, которые назывались хлебами предложения пред Господом (Исх. 40, 23) и каждую субботу были заменяемы новыми. Давид, преследуемый Саулом и томимый голодом, пришел в Номву, где в то время стояла скиния, и с согласия первосвященника Ахимелеха взял эти священные хлебы для утоления голода (1 Цар. 21, 1–6). Хотя Давид и не нарушил субботы, но, побуждаемый необходимостью, преступил закон и обычное право, и однакоже не подвергся осуждению за такой поступок.*

«Господь, – по выражению святителя Иоанна Златоуста, – защитил учеников Своих от порицаний фарисейских особенно тем, что представил в пример большего, нежели они, пророка, который то же сделал». Если евангелист Марк вместо первосвященника Ахимелеха называет сына его Авиафара (1 Цар. 23, 6), – это обстоятельство достаточно объясняется тем, что сын, как законный преемник звания отца своего, мог еще при жизни его в устах народа носить имя первосвященника. Относительно же субботы – *песте чли в законе*, продолжал Иисус Христос, *яко в субботы священницы в церкви субботы сквернят и неповинни суть? Глаголю же вам, яко церкви боле есть zde*. В субботу законом было воспрещено возжигать огонь в жилищах (Исх. 35, 3), но тем же законом повелено в этот день, кроме ежедневных жертв, приносить еще двух агнцев (Чис. 28, 9). При этом священники должны были закалать жертвенных животных, снимать с них кожу, разрезать и сжигать на огне, – сколько дел, повидимому, не согласных с покоем субботним, и однакоже не вменяемых в вину, потому что

они совершались в скинии и храме, по повелению Самого Бога. «По тем же самым причинам Он оправдывает священников, по которым освобождает от обвинения Своих учеников; ибо когда неповинны священники, то не паче ли ученики? Они не священники? – Но они и священников больше, ибо здесь находится Сам Господь святилища» (свт. Иоанн Златоуст). Все внимание книжников и фарисеев было направлено на соблюдение внешних требований закона, которые были ими развиты посредством произвольных толкований до мелочных подробностей, а внутренний смысл закона пренебрежен; здесь-то, в этой односторонности, и коренились то бессердечие и та жесткость души, с которыми они относились к ближним. Каким горьким упреком звучали слова Господа к этим самообольщенным законникам: *еще ли бысте ведали, что есть: милости хою, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинных*. Еще пророк Осия (6, 6) говорил о важном значении в законе любви к ближним, но учителя народа, читая, не разумели слов его. Наконец – так закончил Свою речь Иисус Христос – *суббота человека ради бысть, а не человек субботы ради*, – она дана человеку в пользу, а не во вред, – дана для того, чтобы обратить к Богу и добродетели мысль, косящую во прахе земном, а не для того, чтобы «связывать законом руки стремящегося ко всему доброму». Тот, Кто *боле церкви*, пришел упразднить ветхозаветную сень, заменив ее самою истиною, а посему *Господь есть и субботы Сын Человеческий*, имеющий право не обязывать Своих учеников к соблюдению ее.

Исцеление сухорукого и удаление в Галилею **Мф. 12, 9-16; Мк. 3, 1-12; Лк. 6, 6-11**

После объяснения с книжниками и фарисеями на пути о значении субботы, в один из следующих субботних дней Иисус Христос пришел в синагогу и учил. Там был человек, имевший правую руку иссохшую. Желая найти повод к обвинению Учителя, возбудившего подозрительность блюстителей буквы закона и преданий старческих, книжники и фарисеи наблюдали, не исцелит ли Он опять больного в субботу. Сердцеведец видел лукавые помышления их, которые они и не замедлили высказать в хитром вопросе: *аще достоин в субботы целити?* Отрицательный ответ на этот вопрос мог подать им повод к обвинению Иисуса Христа в немилосердии, а утвердительный – прямо в нарушении субботы. Посему, не отвечая Своим совопросникам, Господь обратился к сухорукому и сказал: *востани и стани посреде*, – «вызвал на средину, чтобы смягчить их видом его, чтобы они, тронувшись сим зрелищем, оставили злобу свою» (свт. Иоанн Златоуст). И затем предложил вопрос: *вопрошу вы, что достоин в субботы: добро творити, или зло творити, – душу спасти или погубити?* Враги Его, уловленные в свою собственную сеть, молчали. Но это молчание, которым они хотели прикрыть затруднительность своего положения, ни мало не помогло им, потому что Иисус Христос показал случаями из обыденной жизни, что на предложенный вопрос они давно уже ответили самым делом, и притом в смысле, согласном с истинною и соответствующем взгляду Его: *кто есть от вас человек, иже иматъ овча едино, и аще впадет сие в субботы в яму, не имет ли е и измет? Колюмбуолучше есть человек овчате? Темже достоин в субботы добро творити.* Такое своекорыстное лицемерие мнимых блюстителей закона, нарушавших его для избежания вещественного ущерба, исполнило чистейшее сердце кроткого и милосердного Иисуса праведным негодованием: Он воззрел на них с гневом. Но этот гнев не был страстным движением души, а выражением чувства правды и истины при виде лжи и внутренней пустоты фарисейской нравственности, к которому примешивалась также скорбь об ожесточении сердец мнимых праведников. Прежде сухорукого, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «Он хотел уврачевать их, но поелику болезнь их была неизлечима, то приступил к настоящему делу» и произвел чудо – для большей очевидности – одним словом. Он сказал человеку: *прости руку твою*; больной так и сделал, без сомнения, с верою во всемогущую силу Господа, и стала рука его здорова, как и другая. Фарисеи пришли в бешенство и, выйдя из синагоги, имели совещание, как бы погубить Иисуса Христа. Для большего успеха своих замыслов они даже вошли в сношение с враждебными им иродианами, приверженцами правителя Галилеи Ирода Антипы, в той надежде, что эти люди, сильные в стране, где жил и действовал Господь, окажут им немалую помощь. Узнав о таких происках врагов Своих и не желая преждевременно подвергать жизнь Свою опасности, Иисус Христос удалился оттуда и пошел к озеру Галилейскому. Множество народа следовало за Ним: слух о чудесах привлек к Нему не только жителей Иерусалима, Иудеи и Галилеи, но также Идумеи, заиорданской области и окрестности Тира и Сидона. Все окружали Его тесною толпою, как своего величайшего Благодетеля и Целителя: больные разными недугами даже бросались к Нему, чтобы коснуться Его, ожидая от такого прикосновения полного выздоровления; одержимые злыми духами падали пред Ним и кричали: *Ты еси Сын Божий*, но Господь воспрещал им, чтобы не делали Его известным, – воспрещал, потому что дело спасения вообще не нуждалось в таких провозвестниках, а также по чувству глубочайшего смирения, чуждого тени превозношения, и по нежеланию раздражать завистников и врагов, следивших за каждым шагом Его с злою целью.

Избрание двенадцати апостолов Мф. 10, 1–4; Мк. 3, 13–19; Лк. 6, 12–19

Уклоняясь от преследования фарисеев и книжников, Иисус Христос восшел на одну из Галилейских гор и там провел всю ночь в молитве. Наступала одна из великих минут земной жизни Его когда Он намеревался положить начало Своей Церкви призыванием в теснейший союз с Собой избранных из числа Своих последователей. О чем была эта продолжительная, уединенная молитвенная беседа Господа с Отцом Небесным, ведомо Ему Единому. Не зрел ли Всеведущий с ясностью настоящего всю будущую судьбу устрояемой Им Церкви – от начала до отдаленнейших времен? Не открыта ли была перед взорами Его судьба и каждого из предназначенных к избранию, – подвиги их проповеди, твердость их веры даже до смерти, смерти мученической, а также ниспадение из числа избранных и гибель предателя?

Утром Иисус Христос призвал на гору учеников Своих и избрал из них двенадцать, по выражению церковной песни, как «человеческие начатки», для того, чтобы они были самыми близкими свидетелями Его дел и учения и впоследствии могли перед всем миром возвещать о том, что слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руками своими (1 Ин. 1, 1). Он наименовал их *апостолами*, т. е. посланниками, и дал им полномочие проповедовать Евангелие и проповедь подтверждать чудесными знамениями, исцеляя от болезней и изгоняя бесов. «Избираются двенадцать учеников, – замечает блаженный Феофилакт, – по числу двенадцати колен Израилевых», как начальники будущих двенадцати колен нового Израиля (Откр. 21, 12, 14). С этого времени апостолы неотлучно сопровождали Господа в Его путешествиях (Лк. 8, 1), видели Его чудеса, присутствовали при беседах Его с народом (Мф. 5, 1; 23, 1), вступали в собеседование с Ним (13, 10; 15, 15; 17, 10; 18, 1; Лк. 8, 9; 9, 12; 12, 41; 17, 5; Ин. 9, 2) и, пользуясь близким обращением со своим Божественным Учителем, постепенно просвещались в тайнах Царства Божия (Мф. 16, 21; Лк. 17, 5), – и это просвещение впоследствии завершилось полным научением от Святаго Духа (Ин. 16, 12, 13).

В списке двенадцати апостолов, передаваемом евангелистами Матфеем (10, 2–4), Марком (3, 16–19) и Лукою (6, 14–16; Деян. 1, 13), только четыре занимают одно и то же место, а именно: Петр, Филипп, Иаков Алфеев и Иуда Искариотский; в размещении прочих не наблюдается определенного порядка, из чего можно заключить, что все они имели равенство власти, так что и первый между ними – Петр – был первый между равными. Евангелисты Матфей и Лука, исчисляя апостолов, располагают их двоицами, без сомнения, потому, что и Сам Господь посылал их на проповедь Евангелия по два (Мк. 6, 7).

1) *Петр и Андрей*, – родные братья, сыновья Ионы, жители Вифсаиды, рыбацкого селения на берегу Геннисаретского озера (Ин. 1, 41, 42, 44). Андрей был учеником Иоанна Предтечи и по его указанию последовал за Христом, привел с собою и брата Симона, которому при первой встрече, в предназначение твердости его веры, Господь дал новое имя Кифы (по-сирохалдейски) или Петра (по-гречески), что значит: *камень* (1, 42). Оба брата до призвания своего Господом (Мф. 4, 19; Мк. 1, 16) занимались рыбной ловлей, проживая в Капернауме, где у Петра был дом (Мф. 8, 14; Лк. 4, 38). Кроме того, о Петре прямо говорится, что он был женат (1 Кор. 9, 5; Лк. 4, 38), хотя и нет сомнения, что, призванный к постоянному последованию за Господом, он должен был оставить и ремесло свое, и дом, и жену. Петр принадлежал к числу довереннейших учеников Иисуса Христа (Мф. 17, 1; 26, 37; Мк. 5, 37) и в лике апостольском, по выражению святителя Иоанна Златоуста, был «устами»: он и сам говорит от лица всех апостолов (Мф. 19, 27; Лк. 12, 41), и отвечает на вопросы один за всех (Мф. 16, 16; Мк. 8, 29). В Евангельском повествовании имя его упоминается очень часто, а по вознесении Господа он сделался деятельнейшим проповедником Христова учения, пре-

имущественно между обрезанными (Гал. 2, 7). Между новозаветными священными книгами есть два послания, писанные им.

Апостол Андрей, которому Святою Церковью усвоено наименование Первозванного, не выделяется так ярко в Евангельском повествовании, как брат его, хотя из некоторых выражений и можно заключать, что он пользовался особым дерзновением перед Учителем (Мк. 13, 3; Ин. 6, 8; 12, 22).

2) *Иаков и Иоанн* – также родные братья, сыновья Зеведея и Саломии (Мф. 4, 21; 27, 56; Мк. 10, 35; 15, 40; 16, 1). Подобно Петру и Андрею, они до призвания своего были рыбаками (Мф. 4, 21; Мк. 1, 19; Лк. 5, 10). До появления Иисуса Христа на берегах Иордана Иоанн принадлежал к числу учеников Предтечи и, подобно Андрею, без сомнения, от него получил первые наставления о Мессии (Ин. 1, 35). Вступив в лик апостолов, сыны Зеведеевы были наречены *Воанергес*, т. е. *сынами грома*, в ознаменование высоты и силы своей проповеди, проникнутой пламенной ревностью (Лк. 9, 54), и вместе с Петром сделались самыми близкими учениками Иисуса Христа (Мф. 17, 1; 26, 37; Мк. 5, 37). Но и в этой избранной троице Иоанн был отличен преимущественною любовью Господа, так что в своем Евангелии не иначе называет себя, как *учеником, егоже любяше Иисус* (13, 23; 19, 26; 21, 7, 20). Он был так предан своему Учителю, что не оставил Его даже и тогда, когда Иисус был взят врагами (Ин. 18, 15), и по кончине Его принял в свой дом вверенную Ему Господом Пресвятую Деву-Богоматерь (19, 27). Впоследствии местом проповеди его был Ефес. Из писаний новозаветных ему принадлежат: Евангелие, три послания и Откровение.

3) *Филипп и Варфоломей*. Первый происходил из Вифсаиды (Ин. 1, 44; 12, 21) – одного города с Петром и Андреем – и был уже известен Иисусу Христу. В Евангелии Иоанна он упоминается несколько раз (6, 5–7; 12, 21, 22; 14, 8, 9). Варфоломей – значит сын Фоломея и есть, как думают, одно лицо с Нафанаилом, который был родом из Каны Галилейской (Ин. 21, 2) и приведен к Иисусу Христу Филиппом (1, 45–51).

4) *Фомаи Матфей*. Фома иначе назывался *Дидим, или близнец* (Ин. 11, 16; 20, 24; 21, 2), и по воскресении Иисуса Христа сподобился для своего уверения осязать раны Его (20, 27, 28). Матфей, иначе Левий, сын Алфея (Мк. 2, 14), до призвания к последованию за Господом был мытарем (Мф. 9, 9). Он написал Евангелие, которое занимает первое место между новозаветными книгами.

5) *Иаков Алфеев и Леввей*, прозванный *Фаддеем*. Иаков, сын Алфея, брат мытаря Матфея или Левия, есть лице совершенно отличное от Иакова, брата Господня, который принадлежал к числу 70-ти апостолов, носил название *малогоили меньшаго* (Мк. 15, 40) и имел в лике двенадцати апостолов своего родного брата Иуду. Леввей или Фаддей, как можно заключать из сравнения списка апостолов у трех евангелистов (Мф. 10, 3; Мк. 3, 18; Лк. 6, 16; Ин. 14, 22; Деян. 1, 13), и есть собственно этот *Иуда*, брат Иакова меньшего. Он написал послание – последнее между соборными.

6) *Симон Кананит и Иуда Искариотский*. Евангелисты Матфей и Марк называют Симона *Кананитом*, а Лука *Зилотом*, т. е. *ревнителем* (Лк. 6, 15; Деян. 1, 13). Оба названия имеют одно и то же значение и даны Симону, вероятно, потому, что он, до призвания в апостольство, принадлежал к числу так называвшихся *зилотов* или *ревнителей* закона Моисеева, противившихся языческим нововведениям. Иуда был сын Симона (Ин. 6, 71; 12, 4; 13, 2, 26) и в отличие от соименного ему апостола Иуды, брата Иакова меньшего, носил прозвание *Искариотского*, по происхождению своему из города Кериофа. В лике апостольском он был собирателем доброхотных подаяний, имея при себе ящик, в который желающие опускали деньги (Ин. 12, 6; 13, 29). Впоследствии он сделался предателем своего Учителя и в отчаянии кончил жизнь самоубийством (Мф. 26, 47; 27, 5; Мк. 14, 43; Лк. 22, 47; Ин. 18, 2, 3). Иисус Христос, *ведый вся грядущая Нань* (Ин. 18, 4), избрал предателя в апостольский лик

и терпел его в святом сонме для того, чтобы исполнился и в этой черте Божественный Совет о спасении рода человеческого (Деян. 1, 16).

Петр и Андрей, Иаков и Иоанн Зеведеевы, Иаков Алфеев и Матфей были соединены узами кровного родства; со времени же призвания к апостольству не они только, но и все двенадцать связались, по выражению церковной песни, новым «союзом любви» к своему Учителю и между собою, единством убеждений, желаний и цели – распространения на земле благодатного Царства Божия.

По избрании апостолов, Господь сошел с ними с горы и стал на ровном месте. Здесь ожидали Его прочие ученики и множество народа из всей Иудеи, из Иерусалима, из приморских мест Тира и Сидона: одни предприняли дальнейшее путешествие с тою целью, чтобы слушать учение Его, а другие – получить исцеление от болезней и освобождение от духов нечистых. Он исцелил всех – и народ, в порыве радостного ожидания, искал прикоснуться к Нему, потому что из Него выходила животворная чудодейственная сила.

Нагорная проповедь

**Мф. 5, 1-48; 6, 1-34; 7, 1-29; 8, 1-4; Мк. 9, 50; 11, 25-26;
Лк. 6, 20-49; 11, 33-36; 12, 22-34, 57-59;
14, 34-35; 16, 13, 17-18**

Избранием двенадцати апостолов положив основание Своей Церкви, Господь восхотел теперь раскрыть дух и смысл Своего учения. Между народом были распространены мечты о земном царстве Мессии: ожидали, что Он сокрушит всех врагов и возвратит Израилю славу и величие давно минувших дней Давида и Соломона. Иисус Христос желал показать, что царство, основываемое Им на земле, чуждо мирских целей и будет царством духовным, нравственным. При этом Он благоволил изъяснить высоту и превосходство Евангельского закона в сравнении с ветхозаветным и означить черты новозаветных чад в противоположность правилам тогдашней фарисейской набожности. Некоторые наставления были направлены Им преимущественно к избранным ученикам, которые должны были, служа примером для других, содействовать распространению Евангельского учения.

1) *О блаженствах* Иисус Христос, увидев множество народа, окружившего Его, восшел на гору и когда сел, приступили к Нему ученики Его. Обратив взор на учеников и отверзши уста Свои, Он начал проповедь Евангельскими блаженствами, но, будучи кроток и смирен сердцем, предложил учение Свое не повелевая, а ублажая тех, которые свободно примут и исполнят слово Его.

Блажени нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное. Нищие, или бедные, духом, — это смиренные люди, чувствующие свое недостойнство перед Богом и бессилие в деле спасения. «Поелику Адам пал от гордости, возмечтав быть Богом, то Христос восставляет нас посредством смирения», полагая его как бы основанием (блж. Феофилакт). Нищете духовной принадлежит царство, возвещаемое Христом, со всеми благами его и неоскудеваемым богатством благодати. Какое это было радостное благовестие *нищим* (Ис. 61, 1) и как оно противоположно мечтательным представлениям иудеев о земном могуществе царства Мессии!

Блажени плачущии, яко тии утешатся, «плачущие, т. е. о грехах, а не о чем-либо житейском, — притом не о своих только грехах, но и о грехах ближних» (блж. Феофилакт). Но чтобы эта глубокая печаль плачущих не простиралась до отчаяния, им обещано утешение благодатное, состоящее в прощении грехов и мире совести. Это и есть то утешение, которое подает облагодатствованным душам *Утешитель* Дух Святый (Ин. 14, 16, 26); оно служит уделом их не только в настоящей жизни, но и в будущей: здесь они утешаются надеждою получить прощение грехов, а там будут непрестанно радоваться, получив жизнь вечную.

Блажени кротции, яко тии наследят землю. Терпеливое перенесение скорбей, неизбежных в жизни, тихое и незлобивое обхождение со всеми, чуждое гневливости, — вообще такое расположение духа, чтобы не раздражать никого и не раздражаться ничем, — вот те свойства, которые приобретают последователям Евангелия не только благословение Божие в жизни временной, мир и благоденствие (Пс. 36, 11), но и приводят их к наследию *земли живых* (Пс. 26, 13), «земли рая» (преподобный Ефрем Сирин), т. е. вечного блаженства.

Блажени алчущии и жаждаущии правды, яко тии насытятся. С томительным чувством голода и жажды, требующим удовлетворения, здесь сравнивается сильное желание духовного блага, а именно — всякой добродетели, которая должна быть вожделенна христианину, как пища и питье, особенно же той *правды Божией* (Рим. 3, 22), которая состоит в оправдании человека-грешника перед Богом посредством благодати и веры в Иисуса Христа (ст. 24, 25). И как насыщение телесное, прекращая чувство голода и жажды, восстанавливает и

укрепляет силы, так насыщение духовное вносит мир и покой в душу помилованного грешника и делает его способным к добру. Впрочем, совершенное насыщение людей праведных последует в жизни будущей, когда они, просвещенные светом *Солнца Правды* (Мф. 13, 43; Мал. 4, 2), омытые и убеленные *кровию Агнца* (Откр. 7, 14), наследуют Царство Небесное.

Блажени милостивии, яко тии помиловани будут. По замечанию святителя Иоанна Златоуста, «различные бывают виды милосердия, и заповедь эта обширна»: она обнимает не одни телесные нужды удрученных бедствиями, но и духовные. Добрый совет ближнему, утешение несчастного, молитва за него, прощение обид, – все это дела милосердия духовного; они столь же ценны в очах Божиих, как и вещественная помощь нуждающемуся от своих стяжаний. Милостивые «получат милость и здесь – от людей» (блж. Феофилакт), и там, в день праведного воздаяния на страшном суде, Господь помилует их и примет в Свое вечное царство (Мф. 25, 34–40).

Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят. Чистота сердца, о которой говорит Господь, не состоит только в простосердечии, правдивости и искренности, но также в устранении от всякого незаконного желания, от всякого чрезмерного пристрастия к земным предметам, и в непрестанном памятовании о Боге. Чистые, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, – люди, которые «приобрели всецелую добродетель и не сознают за собою никакого лукавства, видение же здесь разумеется такое, какое только возможно для человека». Достигнув «очищения и освящения сердца причастием совершенного и Божия Духа» (прп. Ефрем Сирин), они узрят Бога – и «в собственной лепоте своей» (свт. Афанасий Александрийский), как свободные от всякого страстного влечения, и в Божественном откровении, потому что, по выражению блаженного Феофилакта, «как зеркало тогда отражает образы, когда чисто, так может созерцать Бога и разуметь Писание только чистая душа». Но, подобно другим блаженствам, начинающимся на земле и завершающимся на небе, лицезрение Бога, усвояемое чистым, за пределами земного мира будет еще полнее и яснее в непосредственном созерцании *лицем к лицу* (1 Кор. 13, 12; Флм. 1, 23).

Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. Последователи Христовы, пребывающие, по выражению преподобного Исидора Пелусиота, «в мире с самими собою и не воздвигающие мятежа, но прекращающие внутреннюю брань тем, что тело покоряют духу», водворяют мир и в других, живущих в раздоре и с самими собою, и друг с другом. Поступая со всеми дружелюбно, не подавая причины к несогласию, они примиряют враждующих, утишают распри и раздоры. И хотя все верующие, по благодати искупления, называются *чадами Божиими* (Ин. 1, 12; Рим. 8, 16; Гал. 4, 5, 6), но это наименование и соответственная ему степень блаженства особенно принадлежат миротворцам, уподобляющимся Сыну Божию, Который пришел на землю *примирити* с Богом *всяческая, умиротворив кровию Креста* Своего и *земная, и небесная* (Кол. 1, 20) (свт. Иоанн Златоуст).

Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царство Небесное. В этих словах Господь открыл будущую судьбу Своих последователей: Он возвестил им не славу и богатство, не приобретения и удовольствия, но – вопреки мечтательным ожиданиям иудеев славного царства Мессии – бедность, бесславие, преследование, изгнание. Они будут гонимы за правду, т. е., по объяснению святителя Иоанна Златоуста, за добродетель и благочестие, а посему им заповеданы постоянство и твердость в добродетели, мужество и терпение среди соблазнов и опасностей, угрожающих вере. За потерю земных выгод и покоя они будут вознаграждены в Небесном Царстве *наследием нетленным, нескверным, неувядаемым* (1 Пет. 1, 4).

Наконец Господь, обращая речь к апостолам, показал, что терпеть поношения особенно свойственно учителям: *блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради, – пронесут имя ваше, яко зло Сына Человеческого ради, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех: тако бо изгнаша пророки, иже (беша) прежде вас.* Не всякий поносимый достигает этой высокой степени блаженства, но

«только тот, кто терпит поношение для Христа и ложно» (блж. Феофилакт). Это злословие, переносимое за Христа в смирении духа, приобретает подвижнику великую награду на небесах – «сугубое возмездие, и одно увенчивает его за самое дело, а другое – за клевету» (свт. Нил Синайский).

В противоположность этим блаженствам, принадлежащим истинным ученикам Евангелия, Господь возвестил *горе* людям горделивым и тщеславным, поставляющим богатство и чувственные удовольствия исключительным предметом своих желаний, целью всей своей деятельности: *горе вам, богатым, яко отстоите утешения вашего; горе вам, насыщенным ныне, яко взалчете; горе вам, смеющимся ныне, яко възрыдаете и восплачете; горе, егда добре рекут вам вси человецы, по сим бо творяху лжепророком отцы их.*

2) *О высоте апостольства* Продолжая речь, Господь указал ближайшим ученикам, слушавшим Его, а также и всем Своим последователям, на то высокое значение, какое имеют провозвестники христианства для всего мира, зараженного нравственным тлением и погрязшего в глубокой бездне грубых заблуждений. *Вы есте соль земли; аще же соль обуяет, чим осолится? Ни во что же будет ктому, точию да изсыпана будет вон и попираема человеки.* Соль предохраняет пищу от порчи и делает ее приятно на вкус и здоровою: так и Христовы последователи призваны содействовать здравью мира, повсюду распространяя благотворное влияние своего доброго примера и назидательного слова. *Вы есте свет мира; не может град укрытися верху горы стоя, ниже вжигают светильника и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине.* Самосуший первоисточный свет мира есть Сам Господь Иисус Христос, как Он и называет Себя (Ин. 8, 12; 9, 5; ср. 1, 4, 9); ученики Его и все верующие – не более, как лучи этого самобытного света, заимствующие от него живительную теплоту и сияние. Для мира, т. е., по выражению святителя Иоанна Златоуста, «не одного народа, но всей вселенной» они служат проводниками света Христова учения, просвещающими нравственную слепоту и оживляющими духовное омертвление. Следующее за сим сравнение заимствовано от обычая иудеев строить города на вершинах гор или холмов, а подобие свечи взято прямо из жизни домашних. Эти простые и наглядные образы были вполне понятны слушателям, окружавшим Иисуса Христа: «Я, – говорит, – зажег в вас благодатный свет и поставил на высоте, дабы вы светили всем; чтобы этот свет благодати не погас в вас и чтобы свет вашей жизни светил и другим, это – дело вашего подвига». *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех, – не выставляйте напоказ свою добродетель, это – нехорошо, но да светит она сама, «так чтобы и самые враги ваши подивились и прославили не вас, но Отца вашего Небесного»* (блж. Феофилакт). В таком случае даже «против воли нашей свет дел озарит видящих и обратит к славословию Божию» (прп. Исидор Пелусиот).

3) *О духе закона* В следующих словах, составляющих главную часть Нагорной проповеди, Господь Иисус Христос, вопреки злобным подозрениям фарисеев, видевших в Нем нарушителя закона, объяснил в истинном свете Свое отношение к закону, а также и превосходство Евангельского учения перед ветхозаветным. *Не мните, яко приидох разорити закон, или пророки: не приидох разорити, но исполнити.* Законом называются пять книг Моисея, а Пророками – не только писания пророческие, но и все остальные книги Ветхого Завета. Христос, «разоритель буквы, совершитель духа» (свт. Григорий Богослов), исполнил закон «совершением всего сказанного о Нем пророками, – исполнил и все предписания закона, – исполнил закон и в том смысле, что восполнил его, ибо в полном совершенстве начертал то, чего закон представлял одну тень» (блж. Феофилакт). Хотя ветхий обрядовый и прообразовательный закон с пришествием Христовым потерял обязательную силу (Кол. 2, 17; Евр. 10, 1), но закон нравственный, закон веры и благочестия, истинный дух откровения, на все времена остаются ненарушимыми, так что исполнение Евангельского новозаветного учения есть вместе с тем исполнение ветхозаветных заповедей Закона Божия, только не по

букве, а в высшем совершеннейшем смысле. *Аминь глаголю вам: дондеже преидет небо и земля, йота едина или едина черта не преидет от закона, дондеже вся будут*, – малейшей буквой еврейской азбуки *йотой*, или даже еще неприметнее – простой *чертою* письма, означает, что в Божественном законе кажущееся малым и незначительным имеет значение и определенную цель. А посему *иже аще разорит едину заповедей сих малых и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем, а иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем*. Разделение заповедей на большие и малые было измышлено фарисеями как бы для того, чтобы увольнять себя от исполнения заповедей малых, несмотря на то, что между ними были и такие, которые относились к самой сущности закона – суду, милости и вере (Мф. 23, 23). Вопреки ложному понятию фарисеев, Господь указывал на обязательность закона во всей совокупности заповедей его. Но столько же обязателен и закон Евангельский: малейшими заповедями Господь назвал и «те, которые Сам намеревался дать» (свт. Иоанн Златоуст), потому что «запрещаемые ими действия кажутся только малыми грехами, или совсем таковыми не кажутся людям, которые грубо держатся только письмени, т. е. чувственного понятия закона, и не умеют читать тонкий закон духа на скрижалях сердца» (свт. Филарет Московский). *Глаголю вам*, продолжал Господь, *яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное*. Книжники и фарисеи, выдававшие себя за точных исполнителей закона, *оставили вящшая закона* (Мф. 23, 23), пренебрегли внутреннюю сторону его, измыслили *свою правду* (Рим. 10, 3) – гордую, лицемерную, наружную, которая не восходила далее внешних предписаний. Да и вообще ветхозаветной праведности для учеников Евангелия недостаточно, потому что, по выражению святого Исидора Пелусиота, «проходящим сугубые Евангельские поприща уготованы небо и небесные блага, тогда как ветхозаветные за житие, соразмерное их силам, в награду прияли землю и долгоденствие». Ветхий закон был приспособлен к приемлемости израильского народа, так что «если прежнее законодательство было ниже, то причина не в Боге, а в тех, которые принимали закон» (свт. Иоанн Златоуст). Господь Иисус Христос, желая выяснить высшие требования новозаветного закона в сравнении с ветхозаветным, представил шесть примеров.

Первый пример. *Слышасте, яко речено бысть древним: не убиеши; иже бо аще убьет, повинен есть суду. Аз же глаголю вам, яко всяк гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду; иже аще речет брату своему: рака (пустой человек), повинен есть сонмищу; иже речет: уроде, повинен есть геенне огненной*. Преступивший шестую заповедь: *не убий* (Исх. 20, 13) по закону Моисееву подлежал суду, который был учрежден во всех городах и селениях (Втор. 16, 18) и составлял низшую судебную инстанцию; высшим же судилищем был синедрион, заседавший в Иерусалиме и решавший дела особой важности. Закон Христов осуждает не только злое дело, например, убийство, но идет далее и глубже – к самому источнику зла. Напрасный гнев против ближнего, хотя и скрытый в сердце, но могущий послужить причиною распри, раздора и самого убийства, есть уже преступление; если же этот гнев выражается в словах презрения или крайнего негодования, то он заслуживает еще большего наказания – даже геенною огненною. И это наказание нельзя назвать слишком строгим и тяжким, потому что, по выражению блаженного Феофилакта, «поноситель, прекращая любовь, прекращает все добродетели, и посему справедливо подлежит геенне огненной». Суд, синедрион и геенна употреблены здесь Господом для более понятного иудеям разграничения степеней виновности гнева.

К этому изъяснению шестой заповеди Иисус Христос присовокупил наставление о том, как вообще важен и необходим мир с ближними: *аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имат нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и ишед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой*. Мир и любовь к ближним так необходимы и важны, что и самая жертва тогда только угодна Богу, когда

приносится с чистым сердцем, чуждым злобы и ненависти. И чем скорее немирлолюбивый и гневливый изменит свое душевное настроение, тем лучше, потому что в противном случае ему угрожает тяжкое наказание. *Буди увещааяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним, да не предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слуге, и в темницу ввержен будеши. Аминь глаголю тебе: неизыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант.* Эти обычаи римского судопроизводства, введенные в Иудее после покорения ее римлянами, дают прекрасные образы для объяснения того, что ожидает непримиримых обидчиков: соперник – это потерпевший обиду и оскорбление; путь – время жизни; судия – Бог; слуги – Ангелы (Мф. 13, 39; 24, 31); темница – место вечных мучений (1 Пет. 3, 19; Откр. 20, 7), где потребует полная уплата нравственного долга.

Второй пример. *Слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши. Аз же глаголю вам: яко всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем.* Седьмая заповедь ветхого закона (Исх. 20, 14), направленная против самого действия прелюбодеяния, изъяснена Господом в том смысле, что преступно не одно действие, но также и нечистое пожелание, зарождающееся в сердце от нецеломудренного взгляда и переходящее в страсть. «Спаситель не вовсе запретил смотреть на жен, но только запретил смотреть на них с вожделением, ибо любящий смотреть на красивые лица сам возжигает в себе пламя страсти и душу делает пленницею, а после сего скоро приступает и к совершению пожелания» (свт. Иоанн Златоуст). Какую надобно соблюдать осторожность, чтобы не впасть в соблазн, Господь изъясняет в следующих словах, имеющих иносказательный смысл: *аще же око твое десное соблажняет тя, изми е и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну огненную; и аще десная твоя рука соблажняет тя, усецы ю и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну.* Правый глаз и правая рука суть самые полезные члены нашего тела, а посему они служат здесь образом всего дорогого для нас, чем мы, однако, должны пожертвовать для искоренения страсти, овладевающей душою, подобно тому, как поступают врачи которые отделяют от тела зараженный член, чтобы зараза не перешла во весь организм и не расстроила его. «Спаситель, – по замечанию святителя Иоанна Златоуста, – говорит не о членах: Он нигде не осуждает плоть, но везде обвиняет развращенную волю; если бы Христос говорил о членах, то не об одном бы глазе сказал, и притом не о правом только, но об обоих». Объясняя мысль Господа, святые Отцы между прочим разумеют под правым глазом и правою рукою близких и преданных друзей, когда они, вместо пользы, ожидаемой от них, служат нам соблазном.

Третий пример. *Речено бысть: яко иже аще пустит жену свою, да даст ей книгу распустную. Аз же глаголю вам: яко всяк отпущаяй жену свою, разве словесе любодейнаго, творит ю прелюбодействовати, и иже пущеницу поймет, прелюбодействует.* По закону Моисееву (Втор. 24, 1) муж мог дать жене своей разводное письмо и отпустить ее от себя. Такой закон, данный иудеям *по жестосердию* (Мф. 19, 8), т. е. во избежание чего-нибудь худшего, Господь ограничивает и, предохраняя его от злоупотреблений, возводит брак к чистоте первоначального установления его Богом (ст. 6, 8). Только нарушение супружеской верности, которое и в Ветхом Завете наказывалось смертью (Втор. 22, 22), может служить, по заповеди Господа, достаточною причиною расторжения брака.

Четвертый пример. *Паки слышасте, яко речено бысть древним: не во лжу клянеишия, воздаси же Господеви клятвы твоя. Аз же глаголю вам не клятися всяко, ни небом, яко престол есть Божий, ни землею, яко подножие есть ногама Его, ни Иерусалимом, яко град есть великаго Царя, ниже главою твоею клянишия, яко не можеши власа единого бела или черна сотворити; буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни; лишие же сею, от неприязни есть.*

Господь, очевидно, разумеет заповеди закона Моисеева: *не клянитесь именем Моим в неправде* (Лев. 19, 12); *аще обещаши обет Господеви Богу твоему, да не умедлиши воздати*

его (Втор. 23, 21), – и в Своих словах желал не отменить клятву, но оградить ее от злоупотреблений. Когда исчезла строгость нравов и возросла между иудеями взаимная недоверчивость, они уже не довольствовались в сношениях между собою простыми уверениями. В делах житейских и маловажных, часто без всякой нужды, для целей предосудительных и нечистых, иудеи легкомысленно прибегали к клятве, которая являлась в устах народа покровом лжи и обмана. Но, справедливо опасаясь нарушения третьей заповеди, воспрещавшей призывать имя Божие напрасно, они изобрели клятвенные уверения, в которых, с умолчанием о Боге, делалось указание на разные предметы: так, клялись небом, землею, Иерусалимом, даже головою своею. Таким злоупотреблениям клятвою Господь противопоставил Свою заповедь: *не клятися всяко*. Эта заповедь воспрещает клятву во взаимных маловажных сношениях между собою, в обыкновенных делах житейских, где никто не должен требовать и никто не обязан давать клятву: нужно довольствоваться одним словом: *да* или *нет*, а что сверх этого, то от лукавого. Спаситель осудил и те клятвы, в которых не употребляется имя Божие, ибо и эти клятвы имеют свое основание в могуществе имени Божия и не должны быть пренебрегаемы. Кто, свидетельствуясь небом, землею или Иерусалимом, оставляет без внимания пребывание в них вездесущего Бога и считает эти клятвы менее обязательными, тот оскорбляет достойное имя Божие. И в клятве головою или жизнью своею нельзя забывать о Том, без Которого не падает ни один волос с головы человека (Лк. 21, 18). Вообще Господь внушал смотреть на клятву как на дело священное, воспрещая приступать к ней легкомысленно или ослаблять ее силу неразумным и суеверным изменением существенного выражения ее, где имя Бога вездесущего, всеведущего и правосудного поставлено в основание ее (Втор. 6, 13). Как у иудеев распространена была привычка злоупотреблять клятвою, видно также из послания апостола Иакова, писанного к обращенным из иудейства христианам. Святой апостол, увещавая их к обузданию языка, почти буквально повторил слова Господа: *прежде всех, братие моя, не клянитесь ни небом, ни землею, ни иною коею клятвою; буди же вам еже: ей, ей, и еже: ни, ни, да не в лицемерие впадете* (5, 12). Но выводить из слов Иисуса Христа и святого апостола мысль о безусловном воспрещении клятвы и присяги было бы несогласно с истиною. Не отменяя древнего закона о клятве (Втор. 6, 13; 10, 20), но обновляя дух его, Господь напоминал, что свидетель всякой клятвы – Бог, и что не избежит наказания и осуждения и тот, кто клянется, не называя имени Божия. Что клятва законная и необходимая в общественной и частной жизни не есть грех, Иисус Христос подтвердил Своим примером, когда впоследствии на клятвенный вопрос первосвященника отвечал: *ты рекл еси* (Мф. 26, 63, 64). В Священном Писании Ветхого Завета встречается много указаний как на клятвенные обетования Самого Бога (Быт. 22, 16; 26, 3; Пс. 88, 4, 5, 36; 131, 11), так и на клятвы патриархов, иногда соединенные с особенными знаменательными действиями (Быт. 14, 22, 23; 21, 23; 26, 28, 31, 44; 47, 29, 31; Втор. 4, 26; Нав. 14, 9; 1 Цар. 24, 23; 26, 10; Пс. 118, 106). Вообще клятва честная и истинная, благонамеренная, ясно обдуманная, благоговейная, данная с решимостью исполнить то, что утверждается ею, не противоречит словам Господа, а посему «не только позволено, но и должно нам в важных и необходимых случаях по требованию законной власти употреблять клятву и присягу, как обет» (Православный катехизис).

Пятый пример. *Слышасте, яко речено бысть: око за око и зуб за зуб; Аз же глаголю вам не противитися злу, но аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую, и хотящему судитися с тобою и ризу твою взять отпусти ему и срачицу, и аще кто ты поймет по силе поприще едино, иди с ним два; просящему у тебе дай и хотящего от тебе заяти не отвори*, или, как у евангелиста Луки, – *от взимающего твоя не истязуй* (Лк. 6, 30). По закону возмездия (Исх. 21, 24. Лев. 24, 20. Втор. 19, 21) дозволялось наказывать за повреждения членов тела повреждением тех же членов, чтобы «опасением потерять то же самое предотвратить злое дело». Но цель эта не всегда достигалась, отмщение иногда

служило, по замечания святого Отца, «не концом, но началом новых бед, не прекращением прежних худых дел, но вызовом новых более ужасных, когда один раздражался и делал зло вновь, а другой усиливался отмстить за старое и не знал никакого предела во зле», (прп. Исидор Пелусиот).

Евангелие кротостью страждущего препятствует пороку простирается в худшее. Христианская любовь отвечает на обиду не мстью, а готовностью принять новую обиду, сугубо удовлетворяет излишней притязательности и всегда готова помочь нуждающимся. Впрочем, терпение обид и уступчивость не должны простирается до поощрения зла, а поэтому не представляются излишними ни общественные меры к ограничению зла и наказанию обидчиков, ни частные усилия и заботы каждого об устранении обид и соблюдении правды. Сам Господь впоследствии защищался против напрасной обиды (Ин. 18, 23). Равным образом христианское милосердие должно быть направлено к удовлетворению только истинных и законных нужд просящего с тою целью, чтобы принести ему пользу, а не вред.

Шестой пример. *Слышите, яко речено есть: возлюбиих, искренняго твоего и возненавидиши врага твоего.* О любви к ближнему заповедано в законе Моисея: *возлюбиих ближняго своего, яко сам себе* (Лев. 19, 18). Считая ближними только присных друзей и, может быть, соотечественников своих, иудеи думали, что эта заповедь не распространяется на иноплеменников, язычников, особенно же на ненавистных притеснителей – римлян. Но Христос пришел проповедать любовь всеобъемлющую, не связанную никакими расчетами, – такую, которая уподобляла бы людей всеблагому Отцу Небесному: *Аз глаголю вам: любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы; аще бо любите любящих вас, кую мзду имате? Не и мытари ли тожде творят? – И аще благотворите благотворящим вам, кая вам благодать есть? Ибо и грешницы тожде творят. И аще взаим даете, от них же чаеете восприяти, кая вам благодать есть? Ибо и грешницы грешником взаим дают, да восприимут равная. – И аще целуете други ваша токмо, что лишие творите? Не и язычники ли такожде творят?* Источник всех этих видов любви, дружбы и благотворительности есть самолюбие, которое особенно сильно действует в поврежденной грехом и необлагодатствованной природе человека, а где примешивается самолюбие, там нет любви к ближнему чистой, бескорыстной и совершенной, и такая любовь, не составляя подвига и основываясь на простом естественном чувстве, примечаемом и в животных бессловесных, не представляет достоинства добродетели и не заслуживает высокой награды. Не такой любви Христос требует от Своих последователей: *обаже любите враги ваша, и благотворите, и взаим дайте ничесожающе, и будет мзда ваша многа, и будете сынове Всевышняго – Отца вашего, Иже есть на небесех, – яко Той благ есть на безблагодатныя и злыя, – солнце Свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя. Будите убо милосерды и совершени, якоже Отец ваш Небесный милосерд и совершен есть.*

4) *О милостыне, молитве и посте* Указав в заповедях закона высший, духовный смысл, Господь заповедал для всех обязанностей человека к Богу, ближнему и самому себе тайну смирения и удаление от всякой тени тщеславия и хвастовства. По учению Господа Иисуса Христа, искреннее нелицемерное смирение должно сопутствовать всем добрым делам человеколюбия, благочестия, самоотвержения и умерщвления плоти.

Внемлите милостыни ваша не творити пред человеки, да видимы будете ымы; аще ли же ны, мзды не ымате от Отца вашего, Иже есть на небесех, т. е. Господь наставлял «не искать и не домогаться от людей похвалы и славы за добрые дела, но ожидать сего от единого Бога, у Которого как слава истинна и вечна, так и бесчестие вечно» (прп. Ефрем Сирин). *Егда убо творышы мылостыню, не вострубы пред собою, якоже лицемеры творят в сонмыцах ы в стогнах, яко да прославятся от человек; амынъ глаголю вам: восприемлют мзду свою. Тебе же творящу мылостыню, да не увестъ шуйца твоя, что творыт десныца*

твоя, яко да будет милостыня твоя в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, Той воздаст тебе яве, – в день праведного воздаяния на Страшном суде. Изъясняя эти слова Господа, святитель Иоанн Златоуст замечает, что «здесь Он не руки понимает, но усиливает Свою мысль, т. е. если возможно и себя самого не знать, и если возможно скрываться от самых служащих тебе рук, то постарайся о сем». Не воспрещается и явно подавать милостыню, только бы при этом не было желания выставить себя напоказ, потому что, как говорит тот же святой Отец, «Бог наказывает или увенчивает не самое дело наше, но намерение: и перед людьми делающий добро может делать не для того, чтобы его видели, равно как и не делающий перед людьми может делать с тем, чтобы его видели», или, как выражается преподобный Нил Синайский, «поступок тогда бывает тщеславным, когда сердце имеет в виду сделать это напоказ, а пока не обращает оно взоров на уловление человеческой славы, хотя добродетель сияет яснее света, дотоле в произволении остается желание быть неизвестным и незаметным и оно делает угодное только одному Богу».

Тот же дух тщеславия и хвастовства, который отнимал у благотворительности фарисеев всякое нравственное значение, помрачал дела их благочестия: они нарочито избирали для молитвы места людные – синагоги, городские улицы, площади, чтобы быть видимыми народом. Но Господь преподавал Своим последователям такое наставление: *егда молишися, не буди якоже лицемеры, яко любят в сонмищах и в стогнах путей стояще молитися, яко да явятся человеком: аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою* – «от тех, от которых желают сами» (свт. Иоанн Златоуст), т. е. от людей. *Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою и, затворив двери твои, помолися Отцу твоему, Иже в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве*. В этих словах Спасителя, с одной стороны не порицал общественной и всенародной молитвы, если она совершается, по выражению блж. Феофилакта, «с чистым намерением, а не с тем, чтобы то видели люди», а с другой – не безусловно одобрял и тайную молитву, потому что, «если, – говорит Иоанн Златоуст, – и в комнату войдешь, и затворишь за собою двери, то, коль скоро сделаешь сие по тщеславию, затворенные двери не принесут тебе никакой пользы».

Далее Господь показал, что «похвала молитвы не одно ее количество, но и качество» (прп. Нил Синайский), и при этом опять не воспретил продолжительных молитв, а требовал только, чтобы они были теплыми, сердечными и искренними, и имели предметом своим истинно полезное для души: *молящися не лишие глаголите, якоже язычницы, мнят бо, яко во многоглаголании своем услышани будут; не подобитеся им: вестъ бо Отец ваш, ихже требуете прежде прошения вашего*. По изъяснению святителя Иоанна Златоуста, Господь, осуждая многословие, «внушал, что молящиеся не должны просить скоропреходящего и погибающего, – всего того, что бесполезно для них». Засим Христос Спаситель преподавал самый образец молитвы, который Он впоследствии повторил по просьбе одного из учеников (Лк. 11, 1–4), а условием благоуспешности молитвы о прощении согрешений поставил прощение ближним согрешений их против нас: *аще бо отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный; аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших*.

Пост – это естественное выражение глубокой скорби о грехах и действительное средство обуздания плотских страстей – служил для лицемерных фарисеев личиною, которою они обманывали доверчивых и простодушных. Неумытые и унылые лица, нечесанные и неумашенные волосы, разодранные и нечистые одежды, – все эти признаки строгого воздержания выставлялись ими напоказ тем охотнее, что истинные свойства поста, заповеданного Богом (Ис. 58, 3–10), оставлены были в полном пренебрежении. Предостерегая Своих последователей от такого лицемерия, уловляющего лишь земную славу, Иисус Христос заповедал соединять наружный пост с внутренним, который – даже и без внешних знаков воздержания – имеет цену перед очами Божиими: *егда поститесь, не будите якоже лицемери сету-*

юще, помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящися; аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою. Ты же постяся помажи главу твою – «показывай себя радующимся» (блж. Феофилакт) – илище твоеумый – «очисти душу и чувства омой слезами», – яко да не явишиися человеком постяся, но Отцу твоему, Иже в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве.

5) *О нестяжательности* С лицемерием фарисеи соединяли также крайнее сребролюбие (Лк. 16, 14): выказывая себя праведниками перед людьми, они были на самом деле так алчны, что не щадили даже убогого достояния вдов и *снедали их дома* (Мф. 23, 14). Иисус Христос поучал Своих последователей остерегаться этой пагубной страсти, не привязываться к земле и тленным благам ее до забвения о небе и вечности: *не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкопывают и крадут; скрывайте же себе сокровища на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут.* Небесные сокровища – добродетели – прочны и вечны, похитить их никто не может, и тогда как земные сокровища увеселяют человека только в жизни временной, сокровища небесные сопровождают его в жизнь вечную и доставляют блаженство не престающее. Причиняя печаль в случае утраты, земные стяжания вредят также умножением своим, приковывая и порабощая сердце: *идеже, – продолжал Спаситель, – есть сокровища ваши, ту будет и сердце ваше.* А какой вред происходит от этого порабощения земному и тленному для сердца – средоточия душевной жизни, Он объяснил следующим выразительным сравнением: *светильник телу есть око: аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет, аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет. Аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми?* Как повреждение очей оставляет все тело в беспомощном положении, так помрачение сердца страстью любостяжания оказывает вредное влияние на все силы души, на всю деятельность ее. Другой наглядный пример, представленный Господом, доказывает, как несовместимо пристрастие к тленным благам с заботами о сокровище небесном: *никтоже может двема господинама работати: любо единаго возлюбит, а другаго возненавидит, или единаго держится, о другом же нерадити начнет, – не можете Богу работати и маммоне.* Сирийское божество – маммона, покровительствовавшее богатству, у евреев означало самое богатство (Лк. 16, 9), а посему служение маммоне есть то же, что чрезмерная, подавляющая все другие высшие стремления заботливость о приобретении и умножении стяжаний. «Если будем работать маммоне, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – то не будем уже оставаться под владычеством Божиим: пристрастие к богатству свободных делает рабами и даже хуже рабов, – рабами не людей, но ужаснейшей из страстей и болезней души». Впрочем, по изъяснению того же святого Отца, правильное употребление богатства не препятствует служению Богу, и это он доказывает примером Авраама, Иова и других праведных мужей, не пристращавшихся к земным сокровищам, не услаждавшихся ими, но пользовавшихся как даром Божиим.

Научая нестяжательности, Господь предостерегал от излишней заботливости об удовлетворении телесных нужд и при этом указывал на Промысл Божий, пекущийся о всем сотворенном и тем более о человеке, венце творения. *Глаголю вам: не пецываете душою вашею, что ясте или что пиете, ни телом вашим, во что облечетесь, – не душа ли больше есть пищи и тело одежды?»* «Кто дал большее – душу и тело, неужели Тот не даст пищи и одежды?» (блж. Феофилакт). *Воззрите на птицы небесныя, яко ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их: не вы ли паче лучших их есте?* И в природе, и в жизни человека все идет в том порядке, какой указан волею Творца, и при всей заботливости никто не в состоянии произвести какую-либо существенную перемену, например, в своем теле: *кто же от вас пекийся может приложити возрасту своему лакоть един?* «Тело возвращает не пища, но Божий Промысл» (свт. Иоанн Златоуст). *И о одежде что печетесь? Смотрите крин сельных, како растут: не труждаются, ни прядут. Глаголю же вам,*

яко ни Соломон во всей славе своей облечеся, яко един от сих. Аще же сено сельное, днесь суще и утре в печь вметаемо, Бог тако одевает, не много ли паче вас, маловери? Но ограничивая чрезмерную и беспокойную заботливость об удовлетворении житейских потребностей, Господь не воспретил трудиться и работать для приобретения пропитания и одежды, как изъясняет святой Отец: «сказав: *не сеют*, Христос возбранил не сеяние, но излишнюю заботу о пище, а также словами: *не труждаются, ни прядут*, запретил не самое занятие, но излишнее попечение об одежде» (свт. Иоанн Златоуст).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.